

УДК 94
DOI 10.52452/19931778_2021_4_84

ДЕЛО БЕРНДА ФОН ВРЕДЕ В КОНТЕКСТЕ «НЕОБЫЧНОЙ ТОРГОВЛИ» В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XV ВЕКА

© 2021 г.

А.В. Ушаков

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

demiardo13@gmail.com

Поступила в редакцию 24.12.2020

Перестройка механизмов ганзейской торговли на рубеже XIV–XV вв. связана с расширением торговых связей ганзейских купцов и появлением приказчиков (*gesellen*), при посредничестве которых осуществлялись сделки. Благодаря торговым представителям, купцы получили возможность вести торговлю одновременно на разных направлениях. При этом гезеллен могли совершать собственные торговые операции наряду с исполнением основных своих обязательств перед работодателями. В связи с тем что самостоятельная торговая деятельность приказчиков не укладывалась в нормы ганзейской «старинны», она часто принимала вид «необычной торговли» (*ungewonliche kopenschop*) и велась в обход ганзейских традиций. Так как в Новгороде издавна была распространена свободная, некорпоративная торговля, многие молодые гезеллен из ливонских городов начинали здесь свою карьеру. Стремление гезеллен к быстрому обогащению приводило к совершению ими незаконных сделок, а нередко и к обману торговых партнеров, что вредило интересам немецкого купечества, негативно сказываясь на его репутации. Ливонские источники позволяют проследить этот процесс на примере молодого гезелле Бернда фон Вреде, который, совершив кредитную сделку, покинул Новгород, оставив поставщика без оплаты, за что был осужден на тюремное заключение в Любеке. При рассмотрении дела Бернда фон Вреде важную роль играло новгородское Немецкое подворье, интересы которого напрямую затрагивала полуполюгальная или вовсе нелегальная деятельность молодых купцов и гезеллен, не следовавших традициям и способствовавших развитию «необычной торговли». В затяннушемся разбирательстве по делу Бернда фон Вреде особое место занимают братья приказчика, ходатайствовавшие о его освобождении перед советом Ревеля (Таллинна). Наиболее деятельным из братьев оказался Ламберт фон Вреде, служивший при фогте Разеборга (Raseborg) и пытавшийся повлиять на ревельское решение при помощи своего господина. В данном контексте представляется интересным определить роль родственных и деловых, партнерских связей в среде ганзейского купечества.

Ключевые слова: Ганза, Ливонский орден, Новгород, Немецкое подворье, гезеллен, русско-ганзейская торговля, кредит, необычная торговля.

Победа в войне с Данией и подписание Штральзундского мира в 1371 г. вознесли Ганзу на вершину торгового могущества в Балтийском регионе [1]. Последующие сто лет ганзейской истории справедливо признаны исследователями периодом максимального расцвета Ганзы [2], объединившей в рамках единого торгового пространства несколько десятков городов, 4 ганзейских конторы и около 30 торговых факторий, раскинувшись от Литвы до Португалии [3]. Господство ганзейских купцов в балтийской торговле привело к расширению их коммерческих связей и способствовало развитию кооперации в ганзейской торговой среде. Состоятельному купцу впредь не требовалось сопровождать свои товары, сделки совершались от его лица молодыми посредниками (*gesellen*), чья деятельность направлялась и контролировалась ведущим купцом при помощи корреспонденции [4]. Благодаря подобной кооперативной сети, купец одновременно мог вести торговлю

на разных направлениях, формируя цепочки партнерских связей, основанные как на знакомстве, так и на фундаменте родственных отношений, будь то родство кровное или приобретенное в результате женитьбы [5].

Так как ганзейская торговля регулировалась издавна оформившимися и закреплёнными в различных договорах обычаями, так называемой «старинной» (*olden/alden*), проявления ее экономического роста, увеличение масштабов товарообмена и географии торгового представительства на рубеже XIV–XV вв. перестали вписываться в устоявшиеся нормы. Широкое распространение получили сделки, совершенные в обход купеческих традиций. В связи с тем что купцы обязаны были беспрекословно следовать «старине» и соблюдение правил считалось гарантом торговой стабильности, ганзейское руководство старалось всячески противодействовать нарушению обычаев. Потому в ганзейских источниках торговля, осуществлявшаяся

ся вопреки зафиксированным нормам, получила название «необычной» (*ungewonliche kopenschop*) [6]. Некоторыми ее принципами являлись торговля при участии посредников, совершение сделок в неустановленных местах или в кредит [4]. Стоит сразу отметить, что само появление торговых посредников уже не укладывалось в нормы «старинны». Гезеллен, совершавшие торговые операции от лица своего господина, имели определенную долю от товарооборота [7, с. 137]. Помимо этого им позволялось параллельно вести самостоятельную предпринимательскую деятельность. К примеру, в Новгороде гезеллен разрешалось торговать в небольших объемах на улице, прилегавшей к Немецкому подворью [8, с. 77]. Со временем молодой купец обзаводился собственными партнерскими связями и капиталом, поэтому подобного рода посредническая торговля воспринималась исключительно как старт в профессии [9, с. 39–40]. В идеальном варианте он наследовал «бизнес» своего господина, породившись с его семьей [10, с. 163].

Учитывая, что «старина» отвергала сам факт торговли с привлечением посредников и предпринимательская деятельность гезеллен уже поэтому является примером «необычной торговли», стоит отметить, что молодые купцы, совершая торговые операции, склонны были вовсе не считаться с традициями и зачастую вели дела в обход устоявшихся норм. Кроме того, в силу возраста, им были не чужды разгульный образ жизни, спиртное, драки и распутство, что негативно сказывалось на репутации немецких купцов в Новгороде и порой приводило к конфликтам [11, с. 265–269]. Подобное поведение молодых купцов и несоблюдение ими торговых обычаев подрывало основы русско-ганзейской торговли, и города во главе с Любеком старались сохранить старые порядки, поэтому нарушителей традиций наказывали штрафами и даже тюремным заключением. Ганзейские источники позволяют проследить процесс формирования системы торговых посредников и их участие в «необычной торговле» в Новгороде на примере одного гезелле по имени Бернд фон Вреде, также известного как Бернд фон Велен.

Русско-ганзейская торговля XV в. на данный момент достаточно хорошо изучена. Ведущим специалистом в области «Русской Ганзы» стоит признать Н. Ангермана, чьи труды по истории русско-ганзейских торговых контактов составляют фундамент современного ганзееведения [9; 11–13]. История Ганзы, принципы ее организации и основные тенденции развития представлены в общих работах К. Фридланда [10],

Р. Хаммель-Кизова [5] и К. Янке [14]. Исследования западных коллег прекрасно дополняются трудами отечественных историков: И.Э. Клейнберга [15–18], Н.А. Казаковой [19] и А.Л. Хорошкевич [20], кропотливо изучивших механизмы ганзейской торговли в Новгороде и Пскове, описавших ассортимент товаров и специфику взаимодействия русских и ганзейских купцов. На сегодняшний день данное направление разрабатывается М.Б. Бессудновой, в чьих работах отражен наиболее актуальный взгляд на русско-ганзейскую торговлю периода Средневековья и начала Нового времени [21; 7; 11; 6]. Изучению немецкого подворья в Новгороде посвящен сборник «Novgorod Markt und Kontor» под редакцией Н. Ангермана, а также ряд как зарубежных [22–24], так и отечественных работ [25; 26]. Деятельность торговых приказчиков, кроме упомянутых исследований, рассмотрена в статьях Х.ф.ц. Мюлена [27] и А. Кордеса [9; 28]. Несмотря на то что небольшие фрагменты, посвященные Б.ф. Вреде, можно отыскать в фундаментальной монографии Л.К. Гётца [29], в вышеназванных работах М.Б. Бессудновой, а также в одной из статей Б. Шуберт [30], указанный сюжет детально до сих пор не изучен и представляется интересной темой для исследования.

При всем размахе русско-ганзейская торговля слабо отразилась в русских источниках, что во многом связано с гибелью новгородского архива. Имеющиеся документы русского происхождения с трудом позволяют восстановить картину русско-ганзейских контактов начала XV в., поэтому основу исследований, посвященных данной тематике, обычно составляют ливонские и ганзейские материалы, в первую очередь богатая купеческая переписка. Настоящая статья не является исключением.

Летом 1407 г.¹ Бернд фон Вреде купил у некоего русского, чье имя в источниках не упоминается, тройнички (*trogenissen*) в обмен на соль [31, № 1763]. По мнению А.Л. Хорошкевич, тройнички являлись типично русским сортом пушнины и представляли собой особым образом обработанные беличьи шкурки, похожие на другие сорта беличьего меха (шеневерки, ангены и лушверки), но, по всей видимости, уступали им в качестве [20, с. 84]. Ничего не известно о размере приобретенной партии, но в русско-ганзейском товарообмене меха продавались тысячами шкурок [32, с. 134]. Важно отметить, что пушнина Берндом фон Вреде была куплена в кредит. В русско-ганзейской торговле указанного периода кредитные сделки осуществлялись в форме разновременного бартера, то есть, получив товар, купец обязывался

предоставить его эквивалент с определенной отсрочкой [33, с. 103]. При этом Ганза категорически запрещала кредитные сделки. Запрет на кредитную торговлю с русскими был зафиксирован в новгородской шре [34, s. 127, 152] и сохранялся на протяжении всего времени существования Немецкого подворья в Великом Новгороде [17, с. 242], служа мерой по предотвращению конфликтов в русско-ганзейской торговле. Возможно, торговый кредит был запрещен в связи с тем, что при его использовании резко возрастали объемы торговли, что вело к увеличению количества товаров, находившихся в обороте, а следовательно, к неминуемому падению цен на рынке, что могло обернуться для купцов потерей определенной части прибыли [35]. Однако запрет на кредитную торговлю принес Ганзе лишь ущерб, значительно ослабив ее перед конкурентами [36, s. 305]. Именно поэтому на рубеже XIV–XV вв. против данного запрета активно протестовала ганзейская контора в Брюгге [36, s. 309]. Купцы, торговавшие на русском направлении, также отчетливо понимали перспективы кредитной торговли и часто прибегали к подобного рода сделкам, несмотря на действующие запреты [15].

Бернд фон Вреде, не предоставив русскому партнеру обещанный товар, покинул Новгород, и купленная им пушнина была задержана немецкими купцами на подворье во избежание конфликта с обманутым новгородцем. Русско-ганзейская торговля знала два вида кредита: краткосрочный, предоставлявшийся обычно на неделю, и долговременный – от полугода. Последний скреплялся обязательным актом, по которому заемщик обязывался предоставить товар кредитору в указанное место [37, s. 218]. Отсутствие упоминаний подобного долгового акта в источниках наталкивает на мысль, что Бернду фон Вреде был предоставлен краткосрочный кредит, но достоверно утверждать подобное нельзя. Спустя год, 21 июля, Бернд фон Вреде прибыл в Новгород из Швеции в компании другого приказчика и предложил купцам забыть былые обиды. Купцы его простили, но конфискованный товар не вернули, так как Вреде должен был предстать перед магистратом Ревеля (Таллинна) и получить право вновь пользоваться привилегиями ганзейского купца [38, № 19]. В письме, отправленном в Ревель спустя три дня после указанных событий, купцы попросили совет при рассмотрении дела Б.ф. Вреде действовать осторожно и осмотрительно [38, № 20]. Направляясь в Ревель, в Нарве Б.ф. Вреде был задержан и, находясь под стражей, написал письмо купцам Немецкого подворья, в котором пожаловался, что товар его

был задержан на подворье незаконно, чем купцы нанесли ему большой ущерб и сделали его бедным кнехтом (*armen knecht*). Он попросил купцов возместить ущерб и вернуть товары, подчеркнув в конце, что это не даст ему окончательно погибнуть. Также он сообщил, что является служащим господина Торда Бонде, шведского наместника Выборга, который должен ему помочь с этим делом [31, № 1766].

Из письма купцов Немецкого подворья в Ревель от 21 сентября 1408 г. известно, что пред ревельским магистратом предстал Лудеке фон дем Берге, пожелавший забрать товары, купленные Берндом фон Вреде [38, № 21], который, к слову, ранее жаловался совету, что купцы задержали на подворье его тройнички и 10 марок. В своем решении магистрат постановил, что купец, назвавшийся представителем Бернда фон Вреде, может забрать его товар и деньги [31, № 1763]. При этом купцы, поразмыслив, пришли к выводу, что товары должны оставаться на подворье, пока русские не получают удовлетворения. Свою позицию они аргументировали опасениями, что, возвратив товар, они создадут прецедент, опираясь на который, другие купцы станут торговать так же, что подворью нежелательно, ибо в подобном случае новгородцы навяжут купцам свои правила, чего они давно добиваются [38, № 21]. Безусловно, речь идет о борьбе новгородцев за равные условия в русско-ганзейской торговле. В связи с тем что завозимая в Новгород соль не взвешивалась, русские купцы нередко бывали обмануты и с конца XIV в. требовали взвешивать продаваемую соль [20, с. 256–261]. Летом 1407 г. новгородцы постановили покупать у немцев соль только по весу, назначив штраф нарушителям в 50 гривен серебром. Чтобы заставить новгородцев отказаться от принятых мер, Ганза запрещает поставки соли в Новгород [19, с. 90]. Помимо того, что Ганза отстаивала торговые привилегии своих купцов, у русских и ганзейцев различалась методика взвешивания товаров, что также могло повлиять на введение солевого эмбарго [16, с. 151–152]. Таким образом, Бернд фон Вреде не только обманул русского партнера, но и совершил незаконную кредитную сделку в период общеганзейского запрета на торговлю солью в Новгороде, нарушив нормы «старинны» и навредив интересам немецкого купечества. Стоит помнить, что купцы, торговавшие на одном направлении, ручались друг за друга и нередко несли убытки из-за несостоятельных партнеров [28, s. 14]. При этом на протяжении всей истории Ганзы основополагающим стремлением купцов была потребность обезопасить свою торговлю – как в личном, так и в товарном плане [10, s. 77].

Не дождавшись ответа купцов Немецкого подворья, Бернд фон Вреде написал им второе письмо, в котором снова попросил их возместить ему причиненный ущерб, чтобы он не остался опустившимся кнехтом (*bister knecht*). Он был не доволен тем, что Лудеке фон дем Берге не смог забрать его товары, и просил отправить их в Выборг к господину Торду Бонде [31, № 1767]. На это письмо немецкие купцы ответили, но, как следует из третьего письма Бернда фон Вреде в Новгород, он не был удовлетворен их ответом. Должно быть, купцы объяснили ему, что сохраняют меха на подворье на случай, если обманутый русский потребует исполнения договора, что не представляется возможным, так как у Вреде нет в распоряжении обещанной соли. Предположение основано на том, что Бернд фон Вреде поклялся купцам, что Лудеке фон дем Берге должен был оставить ласт соли у фогта в Нарве для совершения сделки [31, № 1768]. Торговые операции в Нарве также являются отличительной чертой «необычной торговли», так как Нарва была городом исключительно орденового подчинения, не входила в Ганзейский союз и торговала с Новгородом вне зависимости от ганзейских запретов и распоряжений [18]. Стремление Ганзы повлиять на нарвскую торговлю не увенчалось успехом. Согласно решению штадетага в Пярну 1507 г., запрещалось принимать штрафные санкции к нарвским купцам за нарушение правил торговли, так как Нарва пребывала вне ганзейского правового поля [39]. Купцы Немецкого подворья прекрасно понимали серьезность ситуации и в письме к магистрату Ревеля от 6 января 1409 г. сообщили, что к ним прибыл Лудеке фон дем Берге с просьбой отдать ему купленные Берндом фон Вреде меха, но, так как купцы опасаются возможных убытков, они просят совет обстоятельно рассмотреть детали дела и вынести решение [38, № 23].

Весной 1409 г. «новгородские гости» (*Novgardenfarer*) задержали Бернда фон Вреде в Любеке и отправили его под стражу до выяснения обстоятельств, о чем известили ревельский магистрат. Причем они уточнили, что сделка была совершена в Нарве, а после товары были изъяты немецкими купцами и помещены на подворье. В числе указанных «новгородских гостей» был Тидеке Ланге, брат Рихарда Ланге, исполнявшего обязанности олдермена на Немецком подворье в Новгороде летом 1407 г. [31, № 1788]. «Новгородскими гостями» именовалась торговая община из Любека, специализировавшаяся на русской торговле [40]. На тюремное заключение Бернда фон Вреде молниеносно откликнулись его братья: Ламберт, Арнд,

Генрих и Йохан, написав большое письмо ревельскому совету с просьбой посодействовать освобождению Бернда. Вину его они признают лишь вскользь, настойчиво утверждая, что немецкие купцы его простили и, следовательно, не могли более удерживать его товар. Братья указывают на то, что Генрих Шпаниерд и Ганс Хорнеманн, исполнявшие обязанности олдерменов на подворье летом того года, признали, что Бернд фон Вреде искупил свою вину и они к нему больше претензий не имеют. Но, так как товары они ему не вернули и оставили без средств к существованию, сейчас он попал в тюрьму. Братья просят перед «всеми господами, городами и божьими людьми» выволить Бернда фон Вреде из заключения. Ламберт обещает поручиться за брата и упоминает, что Бернд является служащим Торда Бонде, который также может посодействовать в этом деле [31, № 1785].

С Тордом Бонде связана история двух ограблений на Неве, учиненных русскими и шведами соответственно. Выборгский наместник отправил в Новгород своего племянника с посольской миссией, но русские избили его и ограбили. В ответ на это Торд Бонде изъял товары у новгородских купцов и присвоил их себе в счет полученных потерь. В Выборг из Новгорода были отправлены послы для урегулирования конфликта, но Торд Бонде отказался возвращать захваченные товары [38, № 24]. Так как в это время шла война Ливонского ордена со Псковом, несмотря на то, что ограбление русских купцов было организовано шведами, оно осложнило отношения ордена с Новгородом, соблюдавшим доселе нейтралитет [19, с. 90]. Ситуация была настолько серьезной, что ливонский магистр лично поручил совету Ревеля разобраться в случившемся [31, № 1773]. В Выборг из Ревеля было направлено два письма, на которые Торд Бонде ответил уклончиво, при этом ясно дав понять, что считает справедливым возмещение своих потерь из захваченных у русских товаров [31, № 1775]. Б. ф. Вреде в указанных письмах не упоминается. Из этого можно сделать вывод, что сделка, совершенная Б. ф. Вреде, производилась в его собственных интересах, а не в рамках торгового предпринимательства Торда Бонде и ждать заступничества от своего господина нарушившему закон гезелле не стоило.

21 июля 1409 г. датируется письмо Янеке Хенепмоса, фогта шведского Разборга, в котором он просит ревельский магистрат со всей благостью рассмотреть просьбу своего служащего Ламберта фон Велена (Вреде) по делу его брата [31, № 1801]. Заручившись поддержкой своего господина, Ламберт отправляет в Ревель большое письмо, в котором сообщает, что брат

его искупил свою вину, и просит посодействовать его освобождению. При этом он предлагает обратиться к Рихарду и Тидеке Ланге, уважаемым купцам, которым прекрасно известны обстоятельства случившегося, чтобы те засвидетельствовали свои показания и помогли в рассмотрении дела [31, № 1808]. Ситуация, по всей видимости, не сдвинулась с места, и Янеке Хенепмос повторно обратился к совету Ревеля с просьбой разобраться, наконец, с делом Бернда фон Вреде и добиться его освобождения из-под стражи. Фогту Разборга, со слов Ламберта фон Велена, известно, что русские купцы задержали товар его брата, из-за чего тот угодил в тюрьму. В связи с тем что шведы с новгородцами находились в состоянии конфликта по причине действий Торда Бонде, Янеке Хенепмос не мог самостоятельно обратиться к купцам Немецкого подворья в Новгороде и попросил Ревель во всем разобраться [31, № 1811].

В феврале 1410 г. на подворье прибыл Тидеке Ланге и в присутствии послов из Дерпта (Тарту) просил о деньгах, которые затребовал Бернд фон Вреде, находясь под арестом в Любеке. Купцы предпочли дождаться решения ревельского магистрата, который просили хорошенько над этим делом поразмыслить, так как обстоятельства ратманам хорошо известны [38, № 30]. Очевидно, что деньги Б. ф. Вреде нужны были, чтобы внести залог и получить освобождение из тюрьмы. В мае того же года купцы Немецкого подворья получили письмо из Любека: «новгородские гости» просили известить их, как продвигается дело Бернда фон Вреде. Заглянув в памятную книгу (*denkebok*), купцы вспомнили, что гезелле купил у русских тройнички в обмен на соль, но оставил их без оплаты товара. После Лудеке фон дем Берге хотел забрать эти тройнички, причем господу Рутгер Дроге, Генрих Паренбеке и Генрих Штольц готовы были выступить поручителями в этом предприятии на случай, если оно принесет немецким купцам убытки. Также купцы сообщили ревельскому магистрату, что Генрих Шпаниерд и Рихард Ланге, которые были олдерменами на подворье летом 1407 г., готовы дать показания по этому делу. В конце письма купцы просят совет Ревеля рассмотреть ситуацию вокруг Вреде и уведомить о своем решении Любек, чтобы «в дальнейшем нам из-за Бернда не знать заботы» [38, № 32]. В маленькой записке, отправленной «новгородским гостям» в Любек, купцы известили последних, что сделали в рамках указанного разбирательства все возможное, и попросили «новгородских гостей» всячески поспособствовать принятию решения ревельским магистратом и после исполнить оное [31, № 1837].

Спустя два года к купцам прибыл Герберт Тиммерман и просил их вернуть ему деньги от имени Бернда фон Вреде. Так как ранее с аналогичной просьбой к купцам обращался Тидеке Ланге, купцы напоминают ревельскому магистрату, что разрешению сложившейся ситуации немало поспособствовал Рихард Ланге, которому необходимо было выплатить 21 любекскую марку. Если совет откажется возместить убытки Рихарду Ланге, в чем купцы искренне сомневаются, они затребуют Лудеке фон дем Берге явиться на подворье в течение шести недель, если он находится в Ливонии, или года и одного дня, если за ее пределами, для исполнения клятвы, данной купцам, когда он получил от них задержанные меха [38, № 35]. В источниках нет информации, когда Лудеке фон дем Берге забрал конфискованные товары, но, вспоминая письма Вреде, адресованные купцам Немецкого подворья, можно предположить, что последний крайне рассчитывал на выдачу товаров своему компаньону, так как, скорее всего, это позволило бы ему избежать тюремного заключения. Если Лудеке фон дем Берге забрал товары в 1408 г. после рассмотрения его просьбы ревельским магистратом, остается неясным, почему он не вызволил своего товарища из-под стражи. Не исключено, что Бернд фон Вреде был обманут, однако отсутствие дополнительных источников не позволяет что-либо доподлинно утверждать.

Помимо этого, за пределами документальной базы осталось множество деталей, которые не дают восстановить картину происшедших событий до конца. Почему, покинув Новгород летом 1407 г. после совершения сделки, Бернд фон Вреде оставил свои товары на подворье? Уместно предположить, что купцы могли настоять на том, чтобы пушнина осталась под их надзором, пока русскому не будет предоставлен ее эквивалент. Этот вариант объясняет тот факт, что между купцами и несостоятельным гезелле произошел конфликт, последствия которого отражены в письме от 21 июля 1408 г. Кем был русский поставщик, предоставивший Бернду фон Вреде меха? Почему он не требовал от купцов завершения сделки, возврата товаров или возмещения убытков? Возможно, он умер к моменту исследуемого разбирательства, в таком случае непонятным остается, почему его родственники или компаньоны не потребовали у немецких купцов удовлетворения. Наконец, не ясно, когда завершилось тюремное заключение Бернда фон Вреде. Если к июлю 1412 г. он был уже на свободе, почему он сам не явился на подворье с требованием вернуть удерживаемые купцами деньги? Словом, после рассмотрения дела Бернда фон Вреде остается немало вопро-

сов, ответить на которые не представляется возможным в связи с отсутствием соответствующих источников.

Возвращаясь к роли родственных связей в ганзейской торговле, стоит отметить, что исследователи подчеркивают их безусловную важность в контексте стабильного функционирования торговых отношений. Б. Шуберт приводит, опираясь на пример братьев Ланге, деятельных участников коллегии «новгородских гостей» и приходит к выводу, что координация действий между Любеком и Новгородом, а также поток информации зачастую основывались на родственных связях [30, s. 90]. В. Старк прямо заявляет, что родственные связи составляли основу ганзейской торговли [41, s. 228]. Примечательна история любекского бюргера Гильдебранта Векинхузена, который из конторы в Брюгге вел торговлю, раскинувшуюся от Британских островов до Ливонии. Причем в Лондоне, Любеке, Данциге (Гданьске), Риге, Ревеле и Дерпте от его имени операции совершались братьями (как родными, так и двоюродными), тестем, зятем, племянниками и друзьями [42, s. 193]. Р. Хаммель-Кизов называет подобные объединения семейными фирмами (Familiengesellschaften) и относит их появление к началу XV в. По его мнению, торговые корпорации такого типа организовывали и контролировали перемещение огромных партий товара внутри ганзейского торгового пространства, что было особенно прибыльно в условиях наивысшего подъема Ганзейского союза [5, s. 91]. Подчеркивает важность семейных уз в ганзейской торговле и М.Б. Бессуднова [4]. Но рассмотренные примеры касаются состоятельного немецкого купечества. Гезеллен, как новый институт в рамках ганзейской торговой среды, не были защищены действующими правовыми нормами, да и семья фон Вреде, по всей видимости, не относилась к числу уважаемых купцов, поэтому роль родственных связей в деле Б. ф. Вреде крайне мала. Ламберт фон Вреде в своем стремлении освободить брата из тюрьмы встретил на пути массу препятствий. В первую очередь, магистрат Ревеля попросту оказался глух к его многочисленным просьбам, что, скорее всего, обусловлено тем, что Бернд фон Вреде нарушил массу важных ганзейских запретов, на которых основывалась незыблемость ганзейской торговли.

Таким образом, дело Бернда фон Вреде является частным примером изменений, наметившихся в ганзейской торговой практике на рубеже XIV–XV вв. Увеличение объемов торговли, расширение сети партнерских контактов, появление большого количества посредников, производивших торговые операции, – все это в

конечном счете подорвало основные принципы ганзейской организации, что впоследствии привело к упадку Ганзы [10, s. 179; 43]. Расширение круга торгующих лиц привело к тому, что среди купцов стала преобладать молодежь, подчас стремившаяся обогатиться, совершая сделки в обход устоявшихся норм, в связи с чем в XV в. наблюдается увеличение количества мошеннических сделок [7, с. 139]. Указанные тенденции повлияли на формирование «необычной торговли» – своеобразного механизма торговых операций, осуществлявшихся вопреки действующим ганзейским нормам и получивших широкое распространение в XV – начале XVI века. Покупка мехов Берндом фон Вреде летом 1407 г. является типичным примером «необычной торговли» периода ее зарождения. Сделка была совершена торговым посредником в неустановленном месте (Нарве) с использованием кредита в разгар ганзейского запрета на соляную торговлю с русскими. Последующее разбирательство дела Бернда фон Вреде демонстрирует стремление ганзейского руководства искоренить «необычную торговлю», сохранив тем самым купеческие привилегии, которыми издавна обладали немецкие купцы в Новгороде. При этом во многом с незаконной деятельностью гезеллен связан упадок ганзейской торговли последующего периода. По замечанию любекского бургомистра на ганзетаге 1521 г., Немецкое подворье в Новгороде пребывало «в большой чести и процветании, пока молодые служащие не повредили основы ее торговли» [4].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00183. This study is done with the support from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00183.

Примечание

1. В письме купцов Немецкого подворья к магистрату Ревеля от 20 мая 1410 г. сообщается, что Бернд фон Вреде совершил сделку в 1408 г. [38, № 32]. Но во многих других документах, включая письма самого Б. ф. Вреде, упоминается, что во время покупки мехов олдерменами на подворье были Генрих Шпаниерд и Рихард Ланге. Стоит согласиться с указанием Бирте Шуберт на то, что названные купцы были олдерманами летом 1407 г. и принадлежали к так называемым «летним гостям» [30, s. 85]. Что также подтверждается источниками [31, № 1766, 1768, 1785, 1808, 1836, 1919]. В связи этим покупка мехов Б. ф. Вреде в 1408 г. не представляется возможной.

Список литературы

1. Graichen G., Hammel-Kiesow R. Die Deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht. Reinbek: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2013. 410 s.

2. Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Hansische Geschichte von der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts bis zum letzten Viertel des 15. Jahrhunderts. Berlin, 1905/1906. Bd. 1–2.
3. Hammel-Kiesow R. Europäische Union, Globalisierung und Hanse. Überlegungen zur aktuellen Vereinanhnahme eines historischen Phänomens // Hansische Geschichtsblätter. 2007. Bd. 125. S. 1–44.
4. Бессуднова М.Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
5. Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München: C. H. Beck Verlag, 2000. 128 s.
6. Бессуднова М.Б. «Необычная торговля» как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV – начале XVI века // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 5 (23) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.povsu.ru/file/1571602> (дата обращения: 13.10.2020).
7. Бессуднова М.Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга, 2016. 453 с.
8. Angermann N. Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleskau // Deutsche im Nordosten Europas. Köln: Böhlau Verlag, 1991. S. 59–86.
9. Cordes A. Die Rolle der Handelsgesellschaften in der Arbeitswelt des spätmittelalterlichen Hansekaufmanns // Die Rolle der Stadtgemeinden und bürgerlichen Genossenschaften im Hanseraum in der Entwicklung und Vermittlung des gesellschaftlichen und kulturellen Gedankengutes im Spätmittelalter. Torun: Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 2000. S. 33–48.
10. Friedland K. Die Hanse. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1991. 222 S.
11. Бессуднова М.Б. Досуг ганзейских купцов в Великом Новгороде // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Я. Мудрого, 2018. С. 265–269.
12. Angermann N. Die Hanse und Rußland // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. 1987. Bd. 20. S. 57–92.
13. Angermann N. Novgorod und seine Beziehungen zur Hanse // Europas Städte zwischen Zwang und Freizeit. Die europäische Stadt um die Mitte des 13. Jahrhunderts. Regensburg: Universitätsverlag, 1995. S. 189–202.
14. Jahnke C. Die Hanse. Stuttgart: Reclam Vorlag, 2014. 245 s.
15. Клейнбергер И.Э. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 3. Л.: Наука, 1970. С. 130–150.
16. Клейнбергер И.Э. Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 137–152.
17. Клейнбергер И.Э. Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л.: Наука, 1974. С. 241–251.
18. Клейнбергер И.Э. «Частные войны» отдельных новгородцев с Ганзой и Ливонией в XV веке // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л.: Наука, 1989. С. 68–74.
19. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI веков. Л.: Наука, 1975. 360 с.
20. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 365 с.
21. Bessudnova M. Der Russlandhandel Lübeck's im Pamphlet "Kurzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Liefland und Russlandt gebrauchter Sigilation, Gewerb und Hantirung" von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn // Acta Historica Tallinnensia. Vol. 23. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2017. S. 49–64.
22. Schubert E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse B. Schubert // Concilium medii aevi. 2002. Bd. 5. S. 1–50.
23. Burkhardt M. Die Ordnungen der vier Hansekontore Bergen, Brügge, London und Novgorod // Das Hansische Kontor zu Bergen und die Lübecker Bergenfahrer. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2005. S. 58–77.
24. Burkhardt M. Kontors and Outpost // A Companion to the Hanseatic League. Leiden; Boston: Brill, 2015. S. 127–161.
25. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XIV вв. М.: МГУ, 1986. 176 с.
26. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
27. Mühlen H. v. z. Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1985. S. 1–49.
28. Cordes A. Wie verdiente der Kaufmann sein Geld? // Hansische Handelsgesellschaften im Mittelalter. Lübeck: Schmidt-Römhild, 2000. S. 6–14.
29. Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck: Verlagsanstalt Otto Waelde, 1922. 572 s.
30. Schubert B. Hansische Kaufleute im Nowgoroder Handelskontor // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 79–96.
31. Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 4. Reval, 1859. 948 s.
32. Harder-Gersdorf E. Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Nowgorod (13–17Jh.): Grundstrukturen und Forschungsfragen // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 133–152.
33. Валеров А.В. Кредит в русско-немецкой торговле XIII–XV вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2011. Вып. 3. С. 100–114.
34. Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911. 384 s.
35. Хорошкевич А.Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 125–140.
36. Jenks S. War die Hanse kreditfeindlich? // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1982. S. 305–338.
37. Choroškevič A.L. Der Kredit im Hansehandel mit Pleskau nach den Materialien des Gesprächs- und

Wörterbuches von Tönnis Fonne // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 211–226.

38. Бессуднова М.Б. Русская Ганза. Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346–1521 годы. Письма и материалы / Сост. М.Б. Бессуднова. СПб.: Евразия, 2019. 288 с.

39. Якунина В.А., Бессуднова М.Б. Таллинн и Нарва в контексте русско-ганзейской торговли // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novsu.ru/file/1611899> (дата обращения: 14.10.2020).

40. Harder-Gersdorf E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Grün-

dung St. Petersburg // Hansische Geschichtsblätter. 2002. Bd. 120. S. 97–148.

41. Stark W. Über marktbezogenen Warenverkehr und Handelsgewinne im hansischen Rußlandhandel // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 227–236.

42. Stark W. Über Techniken und Organisationsformen des hansischen Handels im Spätmittelalter // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Köln: Böhlau, 1993. S. 191–202.

43. Postel R. Warum ging die Hanse zugrunde? // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 2016. Bd. 96. S. 133–142.

THE CASE OF BERNDT VON WREDE AGAINST THE BACKGROUND OF “UNUSUAL TRADE” IN VELIKY NOVGOROD IN THE BEGINNING OF THE 15TH CENTURY

A.V. Ushakov

The structural adjustment of the mechanisms of Hanseatic trade at the turn of the 14th and 15th centuries is involved with the expansion of commercial connections of Hanseatic merchants and the appearance of clerks (*gesellen*), through the mediation of them deals were transacted. By the aid of sales representatives, merchants were able to handle trade in many directions in equal measure. At the same time, clerks could execute their own trades as well as fulfill their main obligations to engagers. Considering that fact that the independent trading activity of clerks did not stay within the norms of the Hanseatic traditional trade, it often acquired the form of “unusual trade” (*ungewonlicke kopenschop*) and was conducted in contravention with Hanseatic traditions. As a free unincorporated trade prevailed in Novgorod since long time, many young clerks started their professional life here. Clerks` desire to get-rich-quick led to their illegal deals, and often to fraudulent behavior between trading partners that harmed interests of German merchants and affected their reputation negatively. Livonian sources provide us to retrace this process on the example of the young clerk Berndt von Wrede, who, after making a loan deal, got out of Novgorod and left the supplier without payment; for that he was sentenced to a prison term in Lübeck. When hearing of a case of Berndt von Wrede, an important role took the Novgorod German branch, whose interests were directly affected by semilegal or even illegal activities of young merchants and clerks, who did not follow traditions and promoted the development of “unusual trade”. In the protracted litigation of the case of Berndt von Wrede, a special place is taken by the clerk`s brothers, who interceded for his release on Town Council of Reval (Tallinn). The most active of the brothers was Lambert von Wrede, who served under the bailiff of Raseborg and tried to influence the decision of Reval with the help of his master. Within the given context it seems interesting to determine the role of family, business and partnership ties among the Hanseatic merchants.

Keywords: Hanse, Livonian Order, Novgorod, German branch, clerk (*gesellen*), Hanseatic-Russian trade, loan, unusual trade.

References

1. Graichen G., Hammel-Kiesow R. Die Deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht. Reinbek: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2013. 410 s.

2. Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Hansische Geschichte von der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts bis zum letzten Viertel des 15. Jahrhunderts. Berlin, 1905/1906. Bd. 1–2.

3. Hammel-Kiesow R. Europäische Union, Globalisierung und Hanse. Überlegungen zur aktuellen Vereinnahmung eines historischen Phänomens // Hansische Geschichtsblätter. 2007. Bd. 125. S. 1–44.

4. Bessudnova M.B. Russian-Hanseatic trade in the first half of the XVI century. St. Petersburg: Eurasia, 2021. 480 p.

5. Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München: C.H. Beck Verlag, 2000. 128 s.

6. Bessudnova M.B. «Unusual trade» as a factor of modification of Russian-Hanseatic relations in the XV – early XVI century // Scientific notes of the Novgorod State University. 2019. № 5 (23) [Electronic resource].

URL: <https://www.novsu.ru/file/1571602> (Date of access: 13.10.2020).

7. Bessudnova M.B. Specifics and dynamics of the development of Russian-Livonian contradictions in the last third of the XV century. Voronezh: Scientific Book, 2016. 453 p.

8. Angermann N. Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleskau // Deutsche im Nordosten Europas. Köln: Böhlau Verlag, 1991. S. 59–86.

9. Cordes A. Die Rolle der Handelsgesellschaften in der Arbeitswelt des spätmittelalterlichen Hansekaufmanns // Die Rolle der Stadtgemeinden und bürgerlichen Genossenschaften im Hanseraum in der Entwicklung und Vermittlung des gesellschaftlichen und kulturellen Gedankengutes im Spätmittelalter. Torun, 2000. S. 33–48.

10. Friedland K. Die Hanse. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1991. 222 s.

11. Bessudnova M.B. Leisure of Hanseatic merchants in Veliky Novgorod // Novgorodika – 2018. Everyday life of Novgorodians: history and modernity. Veliky Novgorod: Novgorod State University named after Ya. Wise, 2018. P. 265–269.

12. Angermann N. Die Hanse und Rußland // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. 1987. Bd. 20. S. 57–92.
13. Angermann N. Novgorod und seine Beziehungen zur Hanse // Europas Städte zwischen Zwang und Freiheit. Die europäische Stadt um die Mitte des 13. Jahrhunderts. Regensburg, 1995. S. 189–202.
14. Jahnke C. Die Hanse. Stuttgart: Reclam Vorlag, 2014. 245 s.
15. Kleinenberg I.E. registration of the contract of sale and barter trade of the Hanseatic Novgorod and Pskov // Auxiliary historical disciplines. Vol. 3. L.: Science, 1970. P. 130–150.
16. Kleinenberg I. E. Guns weighting in the Baltic trade of Veliky Novgorod and Polotsk (until the end of the XV century) // Auxiliary historical disciplines. Vol. 5. L.: Science, 1973. P. 137–152.
17. Kleinenberg I.E. Borrowed interest in Veliky Novgorod of the first quarter of the XV century // Auxiliary historical disciplines. Vol. 6. L.: Science, 1974. P. 241–251.
18. Kleinenberg I.E. «Private wars» of separate Novgorodians with Hansa and Livonia in the XV century // Novgorod Historical Collection. Russian Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations. Vol. 3 (13). L.: Science, 1989. P. 68–74.
19. Kazakova N.A.. Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations. The end of the XIV – the beginning of the XVI centuries. L.: Science, 1975. 360 p.
20. Khoroshkevich A.L. Trade of the Great New Genus with the Baltic States and Western Europe in the XIV–XV centuries. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 365 p.
21. Bessudnova M. Der Russlandhandel Lübecks im Pamphlet «Kurzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Liefland und Russlandt gebrauchter Sigilation, Gewerb und Hantirung» von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn // Acta Historica Tallinnensia. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2017. Vol. 23. S. 49–64.
22. Schubert E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse B. Schubert // Concilium medii aevi. 2002. Bd. 5. S. 1–50.
23. Burkhardt M. Die Ordnungen der vier Hansekontore Bergen, Brügge, London und Novgorod // Das Hansische Kontor zu Bergen und die Lübecker Bergenfahrer. Lübeck, 2005. S. 58–77.
24. Burkhardt M. Kontors and Outpost // A Companion to the Hanseatic League. Leiden; Boston: Brill, 2015. S. 127–161.
25. Rybina E.A. Foreign courtyards in Novgorod of the XII–XIV centuries. M.: Moscow State University, 1986. 176 p.
26. Rybina E.A. Novgorod and Hansa. M.: Handwritten monuments of Ancient Russia, 2009. 320 p.
27. Mühlen H. v. z. Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1985. S. 1–49.
28. Cordes A. Wie verdiente der Kaufmann sein Geld? // Hansische Handelsgesellschaften im Mittelalter. Lübeck, 2000. S. 6–14.
29. Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. 572 s.
30. Schubert B. Hansische Kaufleute im Nowgoroder Handelskontor // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 79–96.
31. Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 4. Reval, 1859. 948 s.
32. Harder-Gersdorf E. Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Nowgorod (13.–17.Jh.): Grundstrukturen und Forschungsfragen // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 133–152.
33. Valerov A.V. Credit in the Russian-German trade of the XIII–XV centuries. // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. 2011. Issue 3. P. 100–114.
34. Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911. 384 s.
35. Khoroshkevich A.L. Russian credit in the internal and Russian-Hanseatic trade of the XIV–XV centuries // History of the USSR. 1977. № 2. P. 125–140.
36. Jenks S. War die Hanse kreditfeindlich? // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1982. S. 305–338.
37. Choroškevič A. L. Der Kredit im Hansehandel mit Pleskau nach den Materialien des Gesprächs- und Wörterbuches von Tönnis Fonne // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 211–226.
38. Bessudnova M.B. Russian Hansa. The life of a German farmstead in Novgorod, 1346–1521. Letters and materials / Comp. M.B. Bessudnova. St. Petersburg: Eurasia, 2019. 288 p.
39. Yakunina V.A., Bessudnova M.B. Tallinn and Narva in the context of the Russian-Hanseatic trade // Scientific notes of the Novgorod State University. 2020. № 2 [Electronic resource]. URL: <https://www.novsu.ru/file/1611899> (Date of access: 14.10.2020).
40. Harder-Gersdorf E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburg // Hansische Geschichtsblätter. 2002. Bd. 120. S. 97–148.
41. Stark W. Über marktbezogenen Warenverkehr und Handelsgewinne im hansischen Rußlandhandel // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln: Böhlau, 2002. S. 227–236.
42. Stark W. Über Techniken und Organisationsformen des hansischen Handels im Spätmittelalter // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Köln: Böhlau, 1993. S. 191–202.
43. Postel R. Warum ging die Hanse zugrunde? // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 2016. Bd. 96. S. 133–142.